

Николай ТЕРЕХОВ

СУДЬБА ГЕНИЯ: ИСТОКИ И ИСКАНИЯ

К 195-летию Л. Н. Толстого

Окончание. Начало в № 11, 2023

Бремя знаменитости

После «Севастопольских рассказов» он уже знаменитость. Со всеми ведет себя вызывающе. 6 февраля 1856 года произошло первое прин-

ципальное столкновение Толстого с сотрудниками «Современника».

Некрасов писал Боткину В. П. 7 февраля: «Вернулся Толстой и порадовал меня: уж он написал рассказ [«Метель»] и отдает его мне на третью книжку. Это с его стороны так мило, что я и не ожидал. Но какую, брат, чушь нес он у меня вчера за обедом! Чёрт знает что у него в голове! Он говорит много тупоумного и даже гадкого. Жаль, если эти следы барского и офицерского влияния не переменятся в нем. Пропадет отличный талант! А что он говорил, собственно, то можешь всё найти в «Северной пчеле»».

Из дневника: «24, 25 июля 1855 года. Да, на мне отразилось военное общество и выпачкало меня».

Тургенев писал Боткину 8 февраля: «С Толстым я едва ли не рассорился – нет, брат, невозможно, чтоб необразованность не отозвалась так или иначе. Третьего дня за обедом у Некрасова он по поводу Ж. Занд высказал столько пошлостей и грубостей, что передать нельзя. Спор зашел очень далеко, словом, он возмутил всех и показал себя в весьма невыгодном свете. Когда-нибудь расскажу тебе, а писать неловко».

Записная книжка: «14 июля 1856 года. Приятно в постороннем кружке, который показывает вам одну ложную лицевую сторону жизни, поднять такой вопрос, который задевает всех членов кружка за живое. Как скоро соскакивает тогда эта ложная обстановка, и вы видите все настоящие отношения».

Тургенев должен был написать о невоспитанности Льва Толстого, но ошибся не случайно. Тургенев окончил Петербургский университет, в Берлине посещал лекции по истории римской и греческой литературы, а дома занимался грамматикой древнегреческого и латинского языков. В Петербурге дружил с Грановским, а в Берлине со Станкевичем. Выдающимися людьми своего времени. Толстой бросил университет.

Писарев Д. И. «Реалисты»: «Кто дорожит жизнью мысли, тот знает очень хорошо, что настоящее образование есть только самообразование, и что оно начинается только с той минуты, когда человек, распростившись навсегда со всеми школами, делается полным хозяином своего времени и своих занятий. Университет только в том отношении и лучше других школ, что он предоставляет учащемуся гораздо больше самостоятельности. Но

Николай Викторович Терехов – эссеист, исследователь литературы, жизни известных людей. Публиковался в журналах «Зеркало», «Простор» и других изданиях. Живет в Алматы.

если вы, окончивши курс в университете, отложите всякое попечение о вашем дальнейшем образовании, то вы по гроб жизни останетесь очень необразованным человеком. <...> Надо учиться в школе, но еще гораздо больше надо учиться по выходе из школы, и это второе учение, по своим последствиям, по своему влиянию на человека и на общество, неизмеримо важнее первого».

Для сравнения можно взять последние романы Тургенева и Толстого. Тургенев перепевает старые мотивы, а Толстой создает совершенно новое для себя. И здесь очевидна разница в самообразовании Толстого и Тургенева.

2 июля 1856 года в письме к Некрасову Толстой очень плохо отзывался о Чернышевском. «... А теперь срам с этим клоповоняющим господином. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся ещё более от того, что говорить он не умеет, и голос скверный». Дразнилку придумал Григорович.

Чернышевский знал, как к нему относятся дворяне-писатели, и писал, что «я бывал с этими господами в одних комнатах». Чернышевский бросил литературную критику, чтобы не писать хвалебные статьи о писателях, которые его презирают. Толстой не предполагает, что его заносчивость вылезет ему боком и будет дорого ему стоить. В первом номере «Современника» за 1857 год была напечатана «Юность». Панаев, Тургенев и многие другие считали повесть кто-то прекрасной, кто-то очень хорошей. Чернышевский писал Тургеневу: «... прочитайте его “Юность” – Вы увидите, какой это вздор, какая это размазня (кроме трёх-четырёх глав) – вот и плоды аристарховых советов – аристархи в восторге от этого пустословия, в котором 9/10 – пошлость и скука, бессмыслие, хвастовство бестолкового павлина своим хвостом, – не прикрывающим его пошлой задницы, – именно потому и не прикрывающим, что павлин слишком кичливо распустил его. Жаль, а ведь есть некоторый талант у человека, но гибнет от того, что усвоил себе пошлые понятия, которыми литературный кружок руководствуется при суждениях своих».

Литературоведы считают, что это письмо имеет огромное значение для понимания причин падения репутации Толстого в демократических кругах «Современника».

14 ноября 1856 года. Толстой пишет в дневнике: «Я страшно восприимчив к похвале и порицанию».

Гусев Н. Н. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год: «29 января 1857 года Толстой выехал из Москвы в Варшаву в мальпосте, то есть на почтовых лошадях. Одной из причин, побудивших его ускорить свой отъезд, было желание окончательно разорвать очень тяготившие его отношения с В. В. Арсеньевой».

Дневник. 7 / 19 марта 1857 года. «Вчера ночью мучило меня вдруг пришедшее сомнение во всём. И теперь хотя оно не мучит меня, оно сидит во мне. Зачем? И что я такое? Не раз уже мне казалось, что я решаю эти вопросы: но нет, я их не закрепил жизнью».

Здесь мы видим, что депрессия уже зародилась. Его мучают угрызения совести по отношению к Арсеньевой. Отношения их развивались таким образом, что Толстой вроде собирался жениться на ней, а потом передумал. Возможно, на бессознательном уровне Толстой боялся, что семейная жизнь может повредить его литературной деятельности. Но главное то, что он перестал быть знаменитым. Была слава, и вдруг исчезла. Очень тщеславные люди слишком болезненно переносят потерю славы, охлаждение публики. Возможно, в зарождении депрессии виновата

смерть отца. Считается, что эмоциональные стрессы в раннем детстве могут привести к депрессии даже через несколько десятков лет.

5 апреля 1857 года. «Тоска, от которой не могу отделаться».

11 апреля того же года. «Я начал испытывать без всякой причины необъяснимую тоску».

Дневник. 16 августа 1857 года. «...Опять лень, тоска и грусть. Всё кажется вздор. Идеал недостижим, уж я погубил себя. Работа, маленькая репутация, деньги. К чему? Матерьяльное наслаждение тоже к чему? Скоро ночь вечная. Мне всё кажется, что я скоро умру».

В сентябрьском номере «Современника» за 1857 год напечатал рассказ «Люцерн». Критика отнеслась к рассказу равнодушно.

Дневник. 31 октября 1857 года: «Петербург сначала огорчил, а потом совсем оправил меня. Репутация моя пала или чуть скрипит. И я внутренне сильно огорчился; но теперь я спокойнее, я знаю, что у меня есть что сказать и силы сказать сильно; а там что хочет, говори публика. Но надо работать добросовестно, положить все свои силы, тогда пусть плюёт на алтарь».

17 февраля (1 марта) 1857 года. Париж. Тургенев – В. П. Боткину: «...Толстой здесь – и глядит на всё, помалчивая и расширяя глаза; поумнел очень: но всё ему неловко с самим собою – а потому и другим с ним не совсем покойно. Но я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы. – Что касается до меня... ни одной моей строки никогда напечатано (да и написано) не будет до окончания века. ... Это не вспышка досады, поверь мне – это выражение или плод медленно созревших убеждений. ... Я удаляюсь; как писателя с тенденциями заменит меня г. Щедрин (публике теперь нужны вещи пряные и грубые) – а поэтические и полные натуры, вроде Толстого, dokonчат и представят ясно и полно то, на что я только намекал».

1857 г. Марта 24 / апреля 5. Париж. Толстой – Д. Я. Колбасину. «...Тургенев точно болен и физически, и морально, и на него смотреть тяжело и грустно».

Публика требовала обличительных произведений на злобу дня, и журналы были вынуждены печатать посредственных авторов, если произведения этих авторов соответствовали запросам читающей публики.

В августовском номере «Современника» за 1858 год печатает рассказ «Альберт». В январе 1859 года в журнале «Библиотека для чтения» напечатал рассказ «Три смерти».

Критика по-прежнему равнодушна к Толстому. Тургенев, видя, что Толстой не мычит и не телится, и не торопится замещать его на литературном поприще, поднатужившись, рождает свои лучшие произведения. В 1859 году печатает «Дворянское гнездо». В 1860 году печатает «Накануне». В 1862 году «Отцов и детей».

В апреле 1859 года Толстой печатает роман «Семейное счастье». Роман писал под впечатлениями романтических отношений с В. В. Арсеньевой, а также под влиянием идей чистого искусства. Когда романтические впечатления выветрились из головы, Толстой ужаснулся тому, что напечатал.

3 мая 1859 года Толстой укоризненно писал Боткину: «Что я наделал с своим «Семейным Счастьем». Только теперь здесь, на просторе, опомнившись и прочтя присланные корректуры 2-й части, я увидел, какое постыдное г...о, пятно, не только авторское, но человеческое – это мерзкое сочинение. Вы меня подкузьмили, чтобы отдать это, будьте же за то и вы поверенным моего стыда и раскаяния! Я теперь похоронен и как писатель, и как человек».

То, что Толстой говорит о своих произведениях, не стоит воспринимать всерьёз. Конечно, с таким произведением лучшим писателем своего времени не станешь. Толстой же мечтал быть только первым.

На уговоры Дружинина дать повесть: «9 октября 1859 года. Теперь же как писатель я уже ни на что не годен. Я не пишу и не писал со времени «Семейного Счастья», и, кажется, не буду писать».

Николай Николаевич Толстой давно болел туберкулёзом, и его с трудом уговорили ехать за границу.

Гусев Н. Н. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год: «Только в конце мая 1860 года Н. Н. Толстой вместе со своим братом Сергеем Николаевичем выехал в Петербург, чтобы оттуда морем направиться в Германию. Желая быть ближе к брату, Лев Николаевич также решил поехать за границу, тем более что и его сестре доктора предписали лечиться за границей. Зная беспомощность и непрактичность своей сестры, Толстой решил сопровождать ее в поездке. Кроме того, отправляясь за границу, Толстой имел в виду и другую цель: ему хотелось осмотреть заграничные народные школы, чтобы ознакомиться с постановкой в них дела народного образования».

Николай Толстой умер 20 сентября (3 октября) 1860 года. Вот что пишет Лев Николаевич в дневнике в 1860 г. 13/25 октября: «Скоро месяц, что Николинька умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие. Опять вопрос зачем? Уж недалеко до отправления туда. Куда? Никуда. Пытаюсь писать, принуждаю себя и не идёт только от того, что не могу приписывать работе того значения, какое нужно приписывать для того, чтобы иметь силу и терпенье работать. Во время самых похорон пришла мне мысль написать матерьялистическое евангелие, жизнь Христа матерьялиста».

Про немецкую школу писал в дневнике: «Ужасно, молитва за короля, побои, всё наизусть, испуганные, изуродованные дети».

14 мая 1861 года. А. А. Толстой: «Так что теперь я, после годовой свободы, не без удовольствия чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и сил».

Неудача с «Семейным счастьем» и смерть брата обострили депрессию, но Толстой знает, что лучшее средство от депрессии – это работа. Однако с работой он перестарался: слишком много на себя взвалил. Взваливает на себя столько дел, чтобы не оставалось ни минуты свободного времени, ни для отдыха, ни для мелких удовольствий. Если будет свободное время, то в голову сразу полезут разные мысли, сюжеты.

Из доклада С. С. Лошкарёва 12 октября 1861 года: «...Яснополянская школа может служить образцом школ вольно учащихся, потому что в ней начать учиться и продолжать учение, ходить или не ходить в классы насколько не обязательно; учится, кто хочет и когда хочет, а потому учатся так усердно, как нигде. Школа эта достойна нарочного посещения, потому что представляет до сего времени ещё очень редкое явление как по любви детей к учению, так и по практичности метода преподавания».

Толстой по своему детскому опыту знал, что учение только тогда пойдёт на пользу ребенку, когда у него есть желание и интерес учиться. Хороший педагог должен заинтересовать ребёнка учебным процессом. При содействии Толстого в его участке к осени 1861 года возникла 21 школа.

Дневник, 25 июня 1861 года: «Посредничество ... поссорило меня со всеми помещиками окончательно и расстроило здоровье, кажется, тоже окончательно».

В поисках смысла жизни

Из «Исповеди»: «И мне казалось, что я этому выучился за границей, и, вооруженный всей этой премудростью, я в год освобождения крестьян вернулся в Россию и, заняв место посредника, стал учить и необразованный народ в школах, и образованных людей в журнале, который я начал издавать. Дело, казалось, шло хорошо, но я чувствовал, что я не совсем умственно здоров и долго это не может продолжаться. И я бы тогда же, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому я пришел в пятьдесят лет, если б у меня не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще мною и обещавшей мне спасение: это была семейная жизнь. В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась деятельность моя в школах, так противно мне стало мое влияние в журнале, состоявшее все в одном и том же – в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически, – бросил все и поехал в степь к башкирам дышать воздухом, пить кумыс и жить животною жизнью».

Ленивому человеку столь много работать вредно.

Из «Исповеди»: «Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни». Счастливая семейная жизнь только на время отвлекла Льва Толстого от поиска смысла жизни. Депрессия никуда не делась: она затаилась в ожидании худших времён.

В августе 1861 года он писал А. А. Толстой: «Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться – это школа». Оказывается, вот где собака зарыта. Какая-то мелочь: надо быть счастливым и плевать тогда на смысл жизни. Есть любимая жена, любимое дело, живи, радуйся, но тщеславие не позволит Толстому слишком долго наслаждаться счастьем.

У Толстого с 1852 года лежат «Казак». Он постоянно к ним возвращается, переделывает, но то, что получается, его не устраивает.

7 февраля 1862 года. В. П. Боткину: «Я ... взял у Каткова 1000 рублей и обещал ему в нынешнем году дать свой роман... Чему я, подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более полновинно, пролежал бы вечно...»

«Казак» опять не хотят вытанцовываться. Толстой предлагает Каткову вернуть долг деньгами, но Катков отказывается брать деньги.

28 ноября 1862 года. М. Н. Каткову: «Я, как всегда, чрезвычайно доволен этой повестью и поправлял и переправлял её до тех пор, что не чувствую возможность над ней более работать».

После напечатания «Казак» посыпались хвалебные отзывы. Опять замаячила слава.

В августе 1863 года Толстой начал работу над «Войной и миром». Школы пришлось бросить.

Гусев Н. Н. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год: «В декабре 1863 и в январе 1864 года Толстой отвлекся от романа работой над комедией, впоследствии получившей название “Зараженное семейство”. О работе над этой комедией писала Софья Андреевна своей сестре Тане 22 декабря 1863 года: “Лева очень занят писательством”. 24 февраля 1864 года Толстой извещал свою сестру, что “между прочим” он написал комедию, которая “вся написана в насмешку эмансипации женщин и так называемых нигилистов”. Комедия была закончена вчерне к 1 февраля и в ближайшие

2-3 дня окончательно исправлена. В письме к Некрасову от 7 марта 1864 года Островский более откровенно высказался о “Зараженном семействе”: “Когда я еще только расхварывался, утащил меня к себе Л. Н. Толстой и прочел мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения”».

...Толстой прибавлял: «Да и комедия, кажется, плоха». Толстой уже который раз пытается писать обличительную комедию, но получается ерунда. Он не хочет писать повесть на эту тему, потому что ещё в 1852 году он записал в дневнике, что всё сатирическое ему неприятно. Думал, что в комедии сатира будет не так противна. Беда в том, что Лев Толстой писал комедию с тенденциозным пристрастием. С тенденциозным пристрастием невозможно написать очень хорошую вещь. К тому же взялся не за свою тему, не зная материала, и, как результат, получилась плохая вещь. Третий и четвёртый том «Войны и мира» Лев Толстой тоже писал с тенденциозным пристрастием и до предела уставшим.

19 декабря Толстой писал И. П. Борисову: «Я всё пишу длинный роман, который кончу только, ежели долго проживу». Собирался писать «Войну и мир» до самой смерти. Решил написать про папу с мамой, про дедушек с бабушками, ну и про войну с миром.

Из письма к А. А. Толстой: «1865 г. Ноября 14. Я. П. ...Много у нас – писателей – есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно вам не известная volupté [наслаждение] мысли – читать что-нибудь, понимать одной стороною ума, а другой – думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии».

Из дневника: «3 октября 1865 года. Вчера и нынче поработал с напряжением, хотя и бесплодно, и уже нынче у меня болит печень и мрачно на душе. Это меня отчаивает. Надо ограничивать свою volupté читанья с мечтами. Эти силы употреблять на писанье, переменяя с физической работой. Опять ездил вокруг своих лесов и ничего. Кончил Тролопа. Условного слишком много». Толстой считает, что читанье с мечтами – это разновидность лени, и лишает себя этого наслаждения. Когда берёт в руки книгу, то начинает испытывать угрызения совести. Это беспокоит тщеславие, напоминая, что мог бы писать, а не заниматься ерундой. Тщеславие знает, на что давить: против совести честный человек никогда не пойдёт. Тщеславие заставило Толстого бросить музыку, живопись, шахматы и прочие мелкие радости жизни. Возможно, он считает, что бросив эти удовольствия, он будет больше и лучше писать. Если бы Толстой не лишал себя невинных удовольствий: чтения с мечтами, музыки и других мелких радостей, то, возможно, ему не пришлось бы искать смысл жизни. Но тогда «Война и мир» была бы немного иная.

Если человек добровольно отказывается от невинных удовольствий, то это плохой знак. Кто-то сказал, что человек сам кузнец своего несчастья. Лев Толстой, кажется, специально делает всё для того чтобы быть несчастным. Даже маленькая радость – это кусочек счастья, а счастье лучше не откладывать на потом. Мозг требует, чтобы центр удовольствия получал положительные эмоции, но тщеславие плюёт на требование мозга и доводит организм до опасной черты.

15 ... 17 февраля 1867 года. С. Н. Толстому: «У меня недели две как сделались приливы к голове, и боль в ней такая странная, что я боюсь удара и хотел поставить пивки или пустить кровь... но он отсоветовал и дал мне какие-то лекарства от нервной боли... Теперь я веду очень строгую диету и воздерживаюсь от писанья, и немного получше, но всё-таки нехорошо».

31 марта 1867 года Толстой писал брату Сергею: «Я много пишу, оканчивая (3 том “Войны и мира”), и голова всё болит, но я не боюсь теперь этой

боли». Первоначально «Война и мир» была в шести томах. Бессознательное мышление после нудной утомительной работы над «Войной и миром» отдыхало в чтениях с мечтами. Тогда ошибочно считали, что, занимаясь физическим трудом, человек умственно отдыхает. Охота и гимнастика не давали возможности полностью отключиться от «Войны и мира». Чтения с мечтами – это был предохранительный клапан, который не давал паровому котлу взорваться. Для мозга они были гораздо важнее и полезнее, чем писание «Войны и мира»: от них мозг получал наслаждение.

Убрав чтение с мечтами, Толстой взамен получил головные боли. Человек очень бережно и внимательно должен относиться к мелочам, от которых он получает удовольствие. Возможно, эта мелочь окажется самым главным, что есть у него в жизни.

Из письма к И. П. Борисову: «29...30 ноября 1867 года. А я опять весь погружен в свою работу, которая не дает мне минуты отдыха и досуга, разумеется, кроме порош, которые я не могу пропустить, и травлю». Наверно, гордится, что не даёт себе ни минуты отдыха. Он не понимает, что так много через силу работать нельзя. Толстой настолько одержим славой, что не обращает никакого внимания на головные боли.

Из письма Бартенева П. И.: «6 июля 1868 года. Я решительно не могу ничего делать, и мои попытки работать в это время довели меня только до тяжелого желчного состояния, в котором я и теперь нахожусь».

Обычно летом отдыхал, а тут торопится закончить «Войну и мир». Тщеславие совсем затуманило Толстому сознание.

Из письма к А. А. Фету: «30 августа 1869 года. Я делал планы приехать к вам и делаю еще, но до сих пор вот не был. 6-й том, который я думал кончить 4 месяца тому назад, до сих пор, хотя весь давно набран, – не кончен. Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (прочел и Канта), и, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето. Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей».

После напряжённой работы над «Войной и миром» ему надо было умственно отдохнуть. Сразу же поехать пить кумыс и жить животной жизнью.

Из письма к С. А. Толстой: «4 сентября 1869 года. Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал». Арзамаский ужас – это результат от восторга Шопенгауэром и от утомительной работы над «Войной и миром».

Мозг настолько переутомлен, что даже устаёт от духовных наслаждений. Над «Войной и миром» мозг Толстого надорвался.

Из письма к А. А. Фету: «21 октября 1869 года. Шестой том я окончательно отдал, и к 1 ноября, верно, выйдет. Вальдшнепов было и есть пропасть. Я убивал по 8 штук и нынче нашёл 4-х и убил одного. Для меня теперь самое мёртвое время: не думаю и не пишу, и чувствую себя приятно глупым».

Шестой том вышел из печати в начале декабря 1869 года.

С. А. Толстая. Дневники: «14 февраля 1870 года ... много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нём происходит страшная работа, что для него всё кончено, умирать пора ... Иногда ему казалось, что приходит вдохновение, и он радовался». Мучается от того, что ничего не может делать. На лицо все признаки депрессии.

22 июня 1873 года. Страхову: «“Война и мир”... мне очень редко нравилась, когда я перечитывал её, а большей частью возбуждала досаду и стыд».

27 октября 1878 года. Тургеневу: «Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, но ей-богу, перечитывание хоть мельком и упоминание о моих писаниях производит во мне очень неприятное сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мной смеются...»

«1873 г. Января конец... февраля начало. Ясная Поляна. А. А. Толстой: ... Но не думайте, чтоб я неискренно говорил, – мне “Война и мир” теперь отвратительна вся. Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувство раскаянья, стыда, которое я испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души и думал, что, кроме этого, нет ничего».

Досада на себя за то, что сделал не так, как хотел, может пройти: к тому же это со временем можно переделать. Стыд же возникает за глупый или смешной поступок, которого лучше бы не было. Толстому казалось, что в «Войне и мире» он вывернул свою душу наизнанку.

Толстой пишет, невзирая на головные боли, потому что знает, что если бросит писать, то перерыв может оказаться слишком большой, а возможно, он и не возобновит работу.

В конце декабря 1870 года Фету: «...С утра до ночи учусь по-гречески... Но как я счастлив, что на меня бог наслад эту дурь. Во-первых, я наслаждаюсь... в-третьих, потому что я не пишу и писать дребедени многословной вроде “Войны” я больше никогда не стану». Январь, февраль, март продолжает изучать греческий язык.

Толстой и к удовольствиям относится как к работе, будь то Шопенгауэр или греческий язык: главное наслаждаться до тех пор, пока не устанешь. Но нельзя развлечение, удовольствие превращать в ежедневный изматывающий труд. Толстой боится лени как черт ладана. Он обязательно должен чем-то заниматься. Он не понимает, что организму надо просто отдыхать и от умственного, и от физического труда. Изучение греческого языка – это работа, хотя и очень приятная. Бессознательное мышление всё равно втиснуто в прокрустово ложе греческого языка. Бессознательному мышлению, а тем более, такому как у Толстого, обязательно требуется свободный полёт фантазии. Чтение с мечтами давало мышлению такой полет, но Толстой, почему-то решил, что это проявление лени, и читал, наверно, уже без мечтаний.

Павел Бирюков. Биография Льва Толстого (том 2, часть 1): «...мотивом поездки его в Самарскую губернию было его нездоровье, причиненное, по мнению его жены и многих близких ему людей, его усиленными занятиями греческим языком...»

Из письма А. А. Фету: «9 июня 1871 года. Упадок сил и ничего не нужно и не хочется, кроме спокойствия, которого нет».

В июне 1871 года Толстой поехал пить кумыс.

Осенью 1871 года принимается за азбуку и книги для чтения и напряжённо работает в течение целого года. 2 февраля 1872 года Толстой снова открывает школу.

Павел Бирюков. Биография (том 2, часть 1): «В 1872 году Л. Н-ч снова заработался, на этот раз над своей “Азбукой”, и снова расстроил свое здоровье. Вся семья собиралась ехать на кумыс, но эта поездка расстроилась, и Л. Н-ч поехал один. Озабоченный ходом издания “Азбуки” и трудностью почтовых сношений с самарским хутором, он пробыл там недолго и к концу июля был уже в Ясной. За эту поездку он успел сделать распоряжение о

необходимых постройках на вновь купленной земле и о первой запашке. На другое лето вся семья поднялась из Ясной "на новые места". В 74-м году Л. Н-ч снова отправился на кумыс, со своим старшим сыном Сергеем, уже не столько для поправления здоровья, сколько для присмотра за хозяйством. Урожай был порядочный, и народ отдыхал от прошлогоднего бедствия. На следующее лето, в 1875 году, в самарский хутор отправилась снова вся семья Толстых».

У Толстого хроническое переутомление, но как следует отдохнуть он не хочет, ладно хоть менял место жительства и род занятий.

1873 год. 12 января. П. Д. Голохвастову: «Я вас не зову к себе теперь, если не поздно будет в феврале; потому что я всю зиму нынешнюю нахожусь в самом тяжелом, ненормальном состоянии. Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего кроме муки не выйдет. Надеюсь к февралю успокоиться. А теперь я себе так несносен, что другим должен быть невыносим. Так, пожалуйста, напишите свои планы на следующей неделе; я по ним соображусь. А свидеться и сблизиться с вами мне очень хочется. Ваш Л. Толстой».

Толстой как в воду смотрит. Знает, что кроме муки ничего не выйдет, а всё равно лезет в этот омут. Тщеславие не даёт покоя. Других муки творчества доводят кого до самоубийства, кого до сумасшедшего дома.

18 марта 1873 года начал «Анну Каренину».

8 или 9 ноября 1873 года умер младший сын Петя в 1 год 4 месяца.

20 февраля 1875 года умер грудной сын Николенька.

«1875 г. Февраля 22. Ясная Поляна. Толстой – А. А. Фету. У нас горе за горем. Вы с Марьей Петровной, верно, пожалеете нас, – главное Соню. Меньшой сын 10 месяцев заболел недели три тому назад той страшной болезнью, которую называют головной водянкой, и после страшных 3-хнедельных мучений третьего дня умер, а нынче мы его схоронили. Мне это тяжело через жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно. Вы хвалите "Каренину", мне это очень приятно, да и как я слышу, ее хвалят; но, наверное, никогда не было писателя, столь равнодушного к своему успеху как я. С одной стороны, школьные дела, с другой – странное дело – сюжет нового писанья, овладевший мною именно в самое тяжелое время болезни ребенка, и самая эта болезнь и смерть».

Из письма Н. Н. Страхову: «1875 г. Мая 5. Ясная Поляна. Какие критики, суждения, классификации могут сравниться с горячим, страстным исканием смысла своей жизни?» Из-за смерти детей депрессия снова вылезает наружу. Ему пока интересно это искание смысла жизни.

Во время работы над «Анной Карениной» занимается школами, переделыванием «Азбуки» – отвлекается от романа, бессознательное мышление не хочет думать об «Анне Карениной».

4 июня 1875 года всей семьей поехали в самарский хутор. Толстой пил кумыс и ничего не писал.

Н. Н. Страхову: «1875 г. Августа 24. Ясная Поляна. Мы приехали 3-го дня благополучно. Я не брал в руки пера два месяца и очень доволен своим летом. Берусь теперь за скучную, пошлую "Анну Каренину" и молю бога только о том, чтобы он мне дал силы спихнуть ее как можно скорее с рук, чтобы опростать место – досуг очень мне нужен – не для педагогических, а для других, более забирающих меня занятий. Педагогические занятия я люблю так же, но хочу сделать усилие над собой, чтобы не заниматься ими. Что вы делаете? Успокоились ли вы от грустных впечатлений кончины вашего брата? Главное, работаете ли вы? И что? Мое знакомство с философом Соловьевым очень много дало мне нового, очень расшевелило во мне философские дрожжи и много утвердило и уяснило мне мои самые нужные для

остатка жизни и смерти мысли, которые для меня так утешительны, что если бы я имел время и умел, я бы постарался передать и другим».

Гусев Н. Н. Материалы к биографии Л. Н. Толстого с 1870 по 1881 г.: «Ясно, что “более забирающие” Толстого занятия, для которых он желал бы иметь время и силы, и состояли именно в изложении для других этих “утешительных” для него мыслей о смысле жизни».

В «Исповеди» он опишет свой поиск смысла жизни.

12 октября 1875 года. С. А. Толстая. Дневник: «Мне больно, я не могу видеть его таким, какой он теперь. Унылый, опущенный, сидит без дела, без труда, без энергии, без радости целыми днями и неделями и как будто помирился с этим состоянием. Это какая-то нравственная смерть, а я не хочу её в нём, и он сам так долго жить не может».

Толстой уже не столько пишет «Анну Каренину», сколько ищет смысл жизни. Во время написания «Анны Карениной» у Толстого начинают кардинально меняться взгляды.

Наброски предисловия к «Войне и миру»: «Ещё несколько слов оправдания на замечание, которое, наверное, сделают многие. В сочинении моём действуют только князья, говорящие и пишущие по-французски, графы и т. п., как будто вся русская жизнь того времени сосредотачивалась в этих людях. Я согласен, что это неверно и нелиберально, и могу сказать один, но неопровержимый ответ. Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократов того времени благодаря памятникам того времени и другим причинам мне понятна, интересна и мила».

Из «Исповеди»: «Мне казалось, что тот тесный кружок учёных, богатых и досужных людей, к которому я принадлежал, составляет всё человечество, а что те миллиарды живших и живых, это – так, какие-то скоты – не люди». «Я отрёкся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в котором мы живём, лишает нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей».

30 октября 1875 года Софья Андреевна преждевременно родила девочку, которую назвали Варварой и которая умерла через час. Софья Андреевна была при смерти.

Из письма А. А. Фету: «1875 г. Ноября 8..9. Ясная Поляна. Получил ваше письмо в страшно тяжёлые минуты, жена была при смерти, больна воспалением брюшины, родила преждевременно тотчас же умершего ребёнка. Страх, ужас, смерть, веселье детей, еда, суета, доктора, фальшь, смерть, ужас. Ужасно тяжело было».

9 ноября 1875 года. Страхову: «Боже мой, если бы кто-нибудь за меня кончил “Анну Каренину”! Невыносимо противно». Толстой приходит к мысли, что пишет он для развлечения скучающих бездельников и описывает жизнь скучающих бездельников. Каренина и Вронский – чистокровные бездельники.

«Если мир не по тебе...»

17 ноября 1875 года Толстой начинает статью, озаглавленную «О будущей жизни вне времени и пространства». Статья не была закончена.

Опять хочет отвлечься от «Анны Карениной». Тщеславие правдами и неправдами заставляет Толстого заканчивать роман. В первых числах января 1876 года Толстой писал Н. М. Нагорному: «После горестей первой половины зимы теперь, слава богу, хорошо работается...»

14 апреля 1876 года. А. А. Толстой: «Летом же буду заниматься теми философскими и религиозными работами, которые у меня начаты не для печатания, но для себя».

Из письма к А. А. Фету: «1876 г. Апреля 28...29. Ясная Поляна. Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде. Пожалуйста, напишите Пете Борису, чтобы он непременно приехал ко мне и дня на три по крайней мере». Тщеславие помереть не даст: надо «Анну Каренину» заканчивать.

Летом 1876 года ничего не писал: отдыхал и занимался хозяйственными делами.

20 ноября 1876 года С. А. Толстая записывает в дневнике: «Всю осень он говорил: "Мой ум спит", и вдруг, неделю тому назад, точно что расцвело в нём: он стал весело работать и доволен своими силами и трудом».

Гусев Н. Н. Материалы к биографии Л. Н. Толстого с 1870 по 1881 г.: «Между тем в конце января 1877 года продолжительная напряжённая умственная работа привела Толстого к сильным головным болям и приливам крови к голове. Безразличное состояние продолжалось весь февраль, и Толстой с трудом поправлял корректуры».

12 марта 1877 года. Фету: «... Голова болит и мешает работать, что особенно досадно, потому что работа не только приходит, но пришла к концу. Остаётся только эпилог».

Из первой редакции «Исповеди»: «... в то время как я писал, кончал свою книжку Анна Каренина, отчаяние это дошло до того, что я ничего не мог делать, как только думать, думать о том ужасном положении, в котором я находился». Удивительно, как в таком состоянии он умудрился закончить «Анну Каренину». Когда начинал «Анну Каренину» думал, что отчебучит такое, что «Война и мир» поблекнет, а потом понял, что «Войну и мир» он не переплюнет.

Из «Исповеди»: «Мускулы мои росли и укреплялись, память обогащалась, способность мышления и понимания увеличивалась, я рос и развивался, и, чувствуя в себе этот рост, мне естественно было думать, что это-то и есть закон всего мира, в котором я найду разрешение и вопросов моей жизни. Но пришло время, когда рост во мне прекратился – я почувствовал, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабеют, зубы падают...» Дело не в зубах, а в том, что пик творчества уже пройден. Если бы творческий процесс шёл на подъем, то плевать бы на эти зубы: пускай бы все выпали.

Эйхенбаум. О прозе: «Считается, что один лист в месяц (в среднем) – хорошая норма для писателя. У Толстого работоспособность была, значит, двойная или даже тройная. П. Сергеенко сообщает, что иногда Толстой "исписывал... в день по 20 страниц, что составляет более половины печатного листа". Это тем более замечательно, что Толстой не был профессиональным писателем в обычном смысле этого слова – не был литератором: не должен был зарабатывать литературой и не связывал себя точными сроками и договорами. В основе этого страшного труда лежали, очевидно, какие-то внутренние побуждения и стимулы – какой-то особый пафос, заставлявший его непрерывно и напряженно работать».

Пафос, который заставлял непрерывно и напряженно работать Льва Толстого – была лень.

Из дневника: «Правила. 16 октября 1853 года. 3) Позволять себе физический труд (охоту, гимнастику), с целью дать отдых уму, только тогда, когда ум действительно много работал. А то апатию, леность ума, которые уничтожить лучшее средство состоит в том, чтобы работать, часто принимаешь за усталость. Усталость может быть только после труда; а трудом можно

назвать только то, что выразилось внешне». Часто усталость Толстой принимал за лень ума и продолжал работать, несмотря на нее.

Гусев Н. Н. Материалы к биографии Л. Н. Толстого с 1855 по 1869 год: «Для характеристики тех требований, какие Толстой предъявлял к себе в это лето (1856 года), представляют интерес те “ярлыки”, какие он повесил или хотел повесить у себя в кабинете и у входной двери.

В кабинете Толстой хотел вывесить следующие изречения:

1) “Помни, что час, потерянный для работы, никогда не возвратится”.

2) “Одно маленькое усилие над собой так легко сделать, что тебе кажется, можно и не сделать его. Не сделай – и ступишь первый шаг по крутому спуску апатии и лени”».

Поэтому Толстой так интенсивно работал, чтобы не сделать первый шаг по крутому спуску апатии и лени. Избегая апатии и лени, он пришёл к мысли о самоубийстве.

Из «Исповеди»: «Те две капли меда, которые дольше других отводили мне глаза от жестокой истины, – любовь к семье и к писательству, которое я называл искусством, – уже не сладки мне».

Хотя семья кажется и не сладкой, но очень крепко держит Льва Николаевича, и именно эта связь не даёт ему возможности покончить жизнь самоубийством. Он об этом не думает, потому что они постоянно с ним рядом.

Из письма к Софье Андреевне: «4 сентября 1869 года. В эту поездку в первый раз я почувствовал, до какой степени я сросся с тобой и детьми. Я могу оставаться один в постоянных занятиях, как я бываю в Москве, но как теперь, без дела, я решительно чувствую, что не могу быть один».

В 1879 году он про это забыл. То же самое и с литературой.

Из «Исповеди»: «“Но, может быть, я просмотрел что-либо, не понял чего-нибудь? – несколько раз говорил я себе. – Не может быть, чтобы это состояние отчаяния было свойственно людям!” И я искал объяснения на мои вопросы во всех тех знаниях, которые приобрели люди. И я мучительно и долго искал, и не из праздного любопытства, не вяло искал, но искал мучительно, упорно, дни и ночи, искал, как ищет погибающий человек спасения, – и ничего не нашел».

Толстой как заурядный трудоголик упёрся в работу, которая кроме неприятных чувств и ощущений ещё и причиняла физические страдания. Выкинул из жизни все удовольствия, даже нормально отдохнуть не хотел, а потом недоумевает: а отчего так скверно стало? Не может понять, откуда у него это отчаяние. Чем искать ответы на глупые вопросы, надо было вернуть все свои прежние удовольствия, хорошо отдохнуть. Но в крайне депрессивном состоянии, с очень уставшим мозгом человек не в состоянии нормально мыслить и принять правильное решение. Его негативные мысли ходят как по заколдованному кругу и не могут ни остановиться, ни свернуть в сторону. В депрессивном состоянии человек пользуется только негативной, пессимистической информацией. Люди, у которых депрессия, чтобы отвлечься, прибегают к другим удручающим мыслям.

Из «Исповеди»: «Если обратишься к той отрасли этих знаний, которые пытаются давать решения на вопросы жизни, – к физиологии, психологии, биологии, социологии, – то тут встречаешь поражающую бедность мысли, величайшую неясность, ничем не оправданную притязательность на решение неподлежащих вопросов и беспрестанные противоречия одного мыслителя с другими и даже с самим собою».

Когда Лев Николаевич восторженно наслаждался Шопенгауэром, он не предполагал, какую злую шутку сыграет с ним этот философ. В том, что Толстой мучительно долго искал смысл жизни, виновато и его увле-

чение Шопенгауэром, и Соломоном с его суетой сует, и прочей пессимистической ерундой.

Через двадцать лет после увлечения Шопенгауэром Толстой писал Эдуарду Роду: «1889 г. Февраля 22. Москва. ...Пессимизм, в особенности, например, Шопенгауэра, всегда казался мне не только софизмом, но глупостью, и вдобавок глупостью дурного тона. Пессимизм, высказывающий свое мнение о мире и проповедующий свое учение среди людей, отлично чувствующих себя в жизни, напоминает человека, который, будучи принят в хорошем обществе, имеет бестактность портить удовольствие других выражением своей скуки, доказывая этим лишь то, что он просто не на уровне того круга, в котором находится. Мне всегда хочется сказать пессимисту: “Если мир не по тебе, не щеголай своим неудовольствием, покинь его и не мешай другим».

Пылкие увлечения, после того как проходят, часто кажутся глупостями. Кроме того, эти глупости доставляют мучения. Когда человек будет знать, что все его мысли и желания действовать сначала принимает бессознательное мышление, то он будет ответственнее относиться к своему поведению. Пылкие умственные увлечения юности остаются на всю жизнь и уже считаются своими.

В юности Толстой увлёкся Жан-Жаком Руссо: писал, что он его боготворил.

Из дневника: «6 июня 1905. Ясная Поляна. 8) Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это, или дурно. Это есть, – в нем жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией». Под влиянием идей Руссо Толстой практически всю жизнь прожил в деревне: увлекался школой. Городская жизнь всегда оставляла в душе Толстого неприятный осадок. Руссо отвергал всяческое насилие в воспитании детей. Толстой целиком и полностью впитал в себя эту идею Руссо. Руссо писал: «Всякий праздный гражданин – богатый или бедный, могущественный или слабый – это дармоед». Со временем Толстой тоже пришёл к этому убеждению. Руссо критиковал официальную религию: Толстой, став верующим, тоже критиковал официальную церковь. Иногда бессознательное мышление, делая вид, что забывает чужие идеи, мысли, без зазрения совести пользуется ими как своими собственными.

Из «Исповеди»: «Помню ещё, что я очень молодым читал Вольтера, и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня». Откуда очень молодой Толстой мог знать, что из-за Вольтера у него вера с неверием «живут как кошка с собакой в одном чулане». Возможно, виноват не Вольтер, а родители. Мать была очень набожная, а отец неверующий, и когда Толстой думал о Боге, бессознательное мышление выдавало сознанию чувство, которое было связано с любовью к матери.

После того как закончил «Анну Каренину», основательно принялся за поиск смысла жизни. Заниматься умственными поисками смысла жизни всё равно, что учиться плавать на берегу. Искать смысл жизни надо в практической деятельности.

